Глава 24 До новой встречи

Чжао Чуньси изначально пришла просить приданое, но не ожидала, что мачеха будет унижать ее. Как она могла быть счастлива? Она редко упоминала свою маму в присутствии своего отца, но поскольку в глубине души она была действительно зла, подумав и поразмыслив об этом, она все же возразила: “Мама, не смотрите свысока на мою семью по материнской линии, теперь Цзею няньнянь, которая отвечает за шестой дворец, носит фамилию Е, и она сестра моей мамы от той же матери.

Чжао Лули думал, что его дочь ничего не знает о личности его жены. Услышав, как она с гордостью упомянула Е Чжэня, его сердце заныло.

Гуань Суй взяла тонкую фарфоровую миску размером с ладонь, медленно зачерпнула черепаховый суп и медленно сказала: “Твоя тетя спасла жизнь императору, это ее удача, иначе, исходя из статуса семьи Е, она никогда не сможет войти во дворец. Такая удача редка, вы просто должны смотреть на нее, не принимайте это всерьез. Давайте обсудим наш брак и поженимся честно, не жаждите этих незаслуженных богатств и почестей”. Когда эти слова были произнесены, она передала миску Чжао Лули и тихо сказал: “Господин маркиз, выпейте суп”.

“Спасибо, госпожа. “Голос Чжао Лули был хриплым, а лицо мрачным, очевидно, его ударили ножом в больное место. Да, если бы его отец и мать не жаждали незаслуженного богатства, как бы они с Чжэньэр могли расстаться? Если его дочь была очарована властью императорской семьи и решила внедриться в нее, как мать и дочь будут ладить в будущем?

Сильно сжав кулак, Чжао Лули строго сказал: “Не говори о своей тете. Твоя тетя вышла замуж во дворце, это благословение твоей тети и семьи Е и не имеет к нам никакого отношения. Все, что тебе нужно сделать, это последовать примеру своей матери, чтобы научиться управлять семьей, в будущем ты сможешь найти постоянного и надежного мужа из подходящей семьи и жить размеренной жизнью”.

Чжао Чуньси редко видела суровое выражение лица своего отца, поэтому она не могла не испугаться и быстро кивнула в знак согласия, ее глаза слегка покраснели.

Гуань Суй убрала упавшие на щеку волосы за ухо, как бы с нежностью: “Ладно, не грусти, я просто говорю несколько слов для твоего же блага, иначе я могла бы с таким же успехом ничего не упоминать и позволить твоему папочке устроить беспорядок. Твой отец ничего не понимает, и это чуть не отложило твое будущее. Если ты последуешь за мной в будущем, я научу тебя. Требования мира к женщинам по своей сути суровы, не говоря уже о хозяйке и матриархе, которые отвечают за воспроизводство и процветание семьи. Среди них добродетель, речь, поведение и внешний вид. Добродетель стоит на первом месте, она означает быть прямым и заложить основу; речь и исполнение, первое - это осторожность в словах и делах, а второе - способ управления семьей, который также включает мужа и детей, служение старшим, увеличение доходов и уменьшение расходов и так далее; внешний вид занимает последнее место, но это не означает красивую внешность и хороший внешний вид, а более достойный и утонченный, спокойный и широкий. Итак, ты видишь, здесь так много вещей, которые тебе нужно соблюдать, и тебе нужно многому научиться, прежде чем ты выйдешь замуж”.

Чжао Чуньси почувствовала, как все ее тело онемело от ее прохладных кончиков пальцев, но она не могла уклониться перед своим отцом. Все эти слова были сказаны для ее же блага. Если бы она проявила какое-либо отвращение или недовольство, могло бы показаться, что она не

знает, что для нее хорошо, поэтому ей оставалось только стиснуть зубы и выразить свою благодарность.

Чжао Лули увидел, что они хорошо “ладят” друг с другом, и мрачное выражение его лица постепенно сменилось облегчением. В этот момент неохотно вошел Чжао Ван Шу и сказал приглушенным голосом: “Мама, вы меня искали?”

“Школа закончилась?” Гуань Суй помахала ему рукой: “Пойдем и поужинаем вместе”.

Чжао Ван Шу на мгновение заколебался и, наконец, сел рядом со своей сестрой.

Гуань Суй лично подала ему миску риса и улыбнулась: “В будущем ты будешь приходить ко мне после школы, чтобы поесть. После ужина я помогу тебе проверить домашнее задание и попрактикую ткбя в каллиграфии. Ты сможешь отдохнуть через два часа.”

«Что? Заниматься каллиграфией в течение двух часов?” Чжао Ван Шу вскрикнул от страха, когда он встретился с острым взглядом своего отца, он поспешно проглотил все слова протеста, его лицо посинело.

“Госпожа готова обучать тебя лично, это твоя удача. В будущем следуй за ней, не ленись. Мне стыдно признаться, если бы госпожа не разбудила меня, я бы плохо обучил тебя, но, к счастью, сейчас еще не поздно это исправить. Госпожа, в будущем они будут беспокоить вас, чтобы настроить и научить, если кто-то будет непослушен, прямо дайте семейный закон и не нужно спрашивать меня.” В настоящее время Чжао Лули произносит слово "госпожа" очень плавно, и даже чувствовал себя очень счастливым и испуганным в своем сердце. Если бы Гуань Суй не вышла замуж в особняке маркиза, через несколько лет Сиэр вышла бы замуж, а Ван Шу стал бы взрослым, но не знал, куда приведет их дальнейшая дорога.

Чем больше он думал об этом, тем больше испытывал благодарность и восхищение к Гуань Суй, и постепенно становился более послушным.

Гуань Суй поспешно махнула рукой, чтобы отрицать, сказала, что двое детей не были плохими по натуре, с умными мозгами, и у них будет большой потенциал в будущем.

Чжао Чуньси и Чжао Ван Шу были крайне обижены в глубине души, но они не посмели ослушаться, у них не было другого выбора, кроме как согласиться. После ужина несколько человек вместе отправились в кабинет, там был тот, кто занимался каллиграфией, был тот, кто рисовал, был тот, кто наблюдал со стороны. Они выглядели счастливыми и гармоничными. Но когда пришло время ложиться спать, Чжао Лули ушел под предлогом отослать двоих детей и в конце концов спрятался, чем очень удовлетворил Гуань Суй.

"Госпожа, почему господин маркиз никогда не делит с вами ложе? Есть ли у него какое-нибудь скрытое заболевание? Как насчет того, чтобы этот слуга поможет вам расспросить?” Сказала Минфан с покрасневшим лицом, когда они уходили.

“Как ты собираешься расспрашивать?” Гуань Суй намочила использованную кисть в ванночке для кистей и наблюдала, как чернильные шарики меняют форму в воде. Минглань исподлобья посмотрела на Минфан и молча отругала “нахальную девчонку”, что заставило Гуань Суй усмехнуться.

“Эта слуга думает...” Минфан собиралась одурачить свою госпожу, но услышала снаружи голос управляющей: “Госпожа, только что особняк маркиза Чжэньси доставил почту, пожалуйста,

взгляните”.

”Особняк маркиза Чжэньси?" Гуань Суй взяла почту и несколько раз взглянула на нее. Она не могла не поднять брови. На самом деле его прислала невестка Цинь Линъюнь, Ли Ши, которая пригласила ее собраться завтра в здании Вэньцуй. Гуань Суй почувствовала жалость к этой женщине, у которой была судьба хуже, чем у нее, и, если возможно, хотела помочь ей избавиться от трагедии прошлой жизни. Конечно, она не стала бы вмешиваться в эмоциональную драму других людей, просто сказала ей держаться подальше от ее соплеменников.

Написав ответ и переодевшись в постельное белье, она со спокойной душой улеглась на большую кровать и заснула.

—

На следующий день здание Вэньцуй все еще было полно гостей. Цинь Линъюнь и его невестка Ли Ши сидели в прежнем положении, с нетерпением ожидая. Император Шэн Юань все еще был одет как телохранитель. Его рост почти в девять футов и сильная фигура выделяли его среди слабых учеников.

“Она сказала, что обязательно придет сегодня?” Глубокий и насыщенный голос заглушал окружающий шум.

Цинь Линъюнь с меланхоличным выражением лица сжал кошелек на поясе. Ли ши бросил на него огорченный взгляд и ответил от его имени: “Госпожа маркиза ответила вчера и сказала, что обязательно придет. Семья Гуань дала тяжелое обещание и никогда его не нарушит.”

Император Шэн Юань слабо отозвался, подошел к перилам и посмотрел вниз. Сюй Гуанчжи сидел и разговаривал с дворянином Цзюли, который спонсировал его проведение Десятидневной Битвы Слов. Старый Мастер Гуань и отец Гуань еще не прибыли, их могло что-то задержать.

Он прошел несколько шагов взад и вперед и казался немного встревоженным. Он уже собирался приказать темной страже отправиться в особняк маркиза Чжэнбэя, чтобы узнать какие-нибудь новости, когда увидел медленно входящую стройную фигуру. Гусино-желтый рукун был покрыт простой белой хлопчатобумажной курткой. Широкие рукава были украшены необработанными кружочками по краям, что придавало элегантному образу немного игривости и подвижности. Шляпка с вуалью закрывала ее лицо, и после того, как ее сдуло ветром, черная марля плотно прилегала к лицу, очерчивая несколько изящных и красивых дуг.

По грациозным взлетам и падениям было нетрудно разглядеть гладкий лоб, вздернутую переносицу и мягкие губы, и именно из-за этого смутно видимого таинственного чувства людям хотелось видеть все больше и больше. Зрачки императора Шэн Юаня слегка сузились, и, понаблюдав некоторое время, он внезапно пришел в себя, подошел к Цинь Линъюню сзади и остановился, притворяясь, что он просто телохранитель.

Гуань Суй поднялась по лестнице, улыбнулась и поприветствовала маркиза Чжэньси и Ли Ши, и уже собиралась снять шляпу с вуалью, но Минглань, переодетая в мужскую одежду, дважды дернула ее за рукава и тихо напомнила: “Госпожа, Старый Мастер и Мастер здесь!”

Черная вуаль, которая была поднята, тут же снова опустилась, и не только это, но и Гуань Суй также быстро обошла сильного мужчину из племени Цзюли и сказала с улыбкой: “Помоги мне,

я не знаю, как рассердится моя семья, если они увидят, что я общаюсь с вашим господином маркизом.”

В это время легалисты и конфуцианцы яростно сражались, а маркиз Чжэньси был лидером ученых-легалистов, поэтому само собой разумеется, что Гуань Суй не следует связываться с ним.

Император Шэн Юань почувствовал приближение незнакомой ауры, и бдительность, выработанная годами сражений, заставила его немедленно выпрямить спину и схватиться за рукоять своего ножа. Затем появилось ощущение, похожее на шипы на спине, но ощущения кризиса не было, оно медленно просачивалось в поры до глубины костного мозга, отчего кожа на стороне, близкой к женщине, онемела. Смутно он почувствовал аромат, но не драгоценных специй, которыми пользовались наложницы в гареме, а слабый запах, который можно было приобрести, только погружаясь в перо, чернила и книги круглый год. Это было легко упустить из виду, но однажды уловив, можно было невольно предаться ему.

Он втайне глубоко вздохнул, но когда Старый Мастер Гуань и отец Гуань оглянулись, он взял на себя инициативу и сделал шаг вперед, еще плотнее прикрывая женщину позади себя. Эти двое не узнали ее и вскоре присоединились к группе известных ученых, чтобы побеседовать.

Гуань Суй спряталась на некоторое время и тихо спросиал: “Разве они не нашли меня?”

”Нет, госпожа, пожалуйста, сядьте", - голос императора Шэн Юаня был немного хриплым. После того, как она села, он отпустил рукоятку ножа и погладил тыльной стороной ладони свою зудящую спину. Слабый аромат исчез, на мгновение оставив его разум пустым, но это мгновение было слишком коротким, и он не заметил, как оно было забыто.

В большом зале на втором этаже Сюй Гуанчжи и легалист вместе поднялись на высокую платформу, и каждый взял кисть и написал две строки иероглифов: человеческая природа по своей сути добра, а человеческая природа по своей сути зла. легализм и конфуцианство эти две школы противостояли друг другу во многих точках зрения, как если бы они были естественными врагами и несовместимыми друг с другом. Добро или зло человеческой природы было еще одним весьма спорным аргументом, и это также было трудной проблемой для ученых как из легализма, так и из конфуцианства, которые спорили в течение сотен лет, но они все еще не могли решить, победителя или проигравшего.

Несмотря на то, что Цинь Линъюнь намеренно притворялся жалким перед своей невесткой, увидев эту тему, он не мог не воскликнуть: "Сюй Гуанчжи такой смелый!". Он нахмурился и достал из кошелька буддийскую бусину.

“Это сложный вопрос?” Ли Ши, родом из сельской местности, лишь приблизительно знала несколько иероглифов. Она умела читать счета и вести домашнее хозяйство, а кроме этого не знала ни одного иероглифа.

“Это очень сложно. С древних времен и по настоящее время ученые двух школ никогда не определяли победителя. Даже если я поднимусь, я не уверен, что смогу опровергнуть Сюй Гуанчжи. Конечно, ему тоже было бы трудно опровергнуть меня. Легализм лучше всего понимает зло человеческой природы, а конфуцианство лучше всего понимает доброту человеческой природы. Мы можем приводить сотни аргументов по своему желанию, поэтому никогда не сможем отличить, какой из них лучше, а какой хуже”. Цинь Линъюнь достал три бусины Будды и положил их на поднос, стоявший рядом.

Гуань Суй покачала головой и вздохнула: “Это ложное утверждение, о чем тут спорить? Это

действительно пустая трата времени”. Она встала, собираясь уйти.

“Госпожа, почему вы говорите, что это ложное предположение? Пожалуйста, ответьте”. Человек Цзюли, стоявший позади маркиза Чжэньси, спросил на заикающемся (древнем) мандаринском, его глубокие глаза сверкали взглядом ищущего знания.

Гуань Суйи воспитывалась старым мастером Гуань, и с детства она была заражена проблемой быть “хорошим учителем”. Больше всего она терпеть не могла это выражение лица. Она наклонила голову, чтобы подумать об этом, и снова откинулась на спинку стула. Когда она согнула кончик белого пальца и щелкнула по краю чашки, смысл был очевиден. Мужчина Цзюли поспешно подошел, чтобы подать чай, каждое его движение было хорошо скоординировано, и в его глазах даже появилась слабая улыбка.

Переводчик размышляет: в исторических китайских романах я часто встречаю рост мужского персонажа в девять футов, если мы используем современное измерение, то он будет чрезвычайно высоким, оказывается, длина "ноги" в каждой династии может быть разной, но я думаю, что в большинстве случаев девять футов должны быть 2 метра в высоту.

http://tl.rulate.ru/book/67090/2274455